

Гу Чанъань слегка изогнул сжатые губы и тихо усмехнулся:

— Шучу я, не бери в голову.

Он заложил руки за голову и вернулся в свое привычное расслабленное состояние:

— Иди спать, завтра еще дел невпроворот.

У Дабин постоял на месте минуту-другую, а затем быстрым шагом догнал Гу Чанъаня.

На следующий день Гу Чанъань отправил У Дабина следить за заводом Фусинь, а сам с кусками тушеной свинины вернулся в старый дом.

Только он собрался приступить к проверке, как внезапно раздался стук в дверь. Нервы Гу Чанъаня дрогнули, ход мыслей прервался, и он с мрачным видом пошел открывать ворота.

Девушка с прической каре по имени Личунь помахала рукой:

— Привет!

Гу Чанъань тут же захлопнул дверь.

Личунь картинно запрыгала на пороге:

— Я только что нос подправила, если от удара искривится, ты мне платить будешь?

Дверь снова открылась. Гу Чанъань, скрестив руки на груди, брезгливо цокнул:

— Где подправила? Во сне, что ли?

Личунь сморщила маленький носик. Ну и ядовитый язык, волк в овечьей шкуре!

Она встала на цыпочки, заглядывая внутрь:

— Ты один? А где Дабин? Его нет дома?

Гу Чанъань прислонился к дверному косяку:

— Чего приперлась?

Личунь поправила свою прямую челку:

— Я товар развозила, мимо проходила, решила заглянуть, не нужно ли вам чего подвезти.

Гу Чанъань закатил глаза. Подвезти, как же.

Магазин считался семейным делом, хотя прибыли почти не приносил.

Пока старик был жив, Гу Чанъань помогал ему торговать, а после его ухода лавочка работала по принципу ни шатко ни валко.

Есть время — открыли, нет — закрыли. Периодически проводили ревизию: товары с истекающим сроком годности пытались обменять, а если не выходило — выбрасывали.

Впрочем, так они жили уже много лет.

Гу Чанъань потер виски:

— В последнее время дел много, магазин почти не открывали. Закончу со всем, тогда и поговорим.

Личунь придвинулась к парню. Ее узкие длинные глаза сузились, и она улыбнулась, точно маленькая лисичка:

— Чанъань, стань моим парнем, а? Я буду за тебя в магазине сидеть.

Гу Чанъань уперся ладонью ей в лоб и оттолкнул.

Личунь не упала, но ухватила за рукав его куртки:

— Ну нет причин отказываться! Я такая милая, такая симпатичная, фигура — огонь, лицо — загляденье! Со свечкой обойдешь — второй такой не найдешь!

Гу Чанъань приподнял подбородок, указывая на дерево позади нее:

— Видишь то дерево?

Личунь обернулась:

— Вижу.

Гу Чанъань смахнул ее цепкую ручку со своего рукава:

— Даже дерево знает, что нужно беречь кору, а человеку не стоит терять лицо.

— ...

Личунь отступила на пару шагов, разглядывая черноволосого парня, и широко распахнула свои миндалевидные глаза:

— Чанъань, ты что, по мальчикам?

Гу Чанъань отреагировал так, будто услышал самую нелепую шутку в мире:

— Я что, спятил? Любить парня? Уж лучше тогда любить самого себя.

Личунь остолбенела. А ведь звучит логично.

— Но почему тогда в мире вообще существуют геи?

— Не знаю.

— Как думаешь, какая психология заставляет их предпочитать мужчин с таким же строением тела, как у них самих, а не девушек?

— Я же сказал, не знаю. Еще раз спросишь — пеняй на себя.

— Ну чего ты? Чем старше становишься, тем менее милым делаешься. В детстве ты, завидев меня издали, всегда бежал со всех ног и просился на ручки.

— Средь бела дня уже грезить начала.

Гу Чанъань лениво махнул рукой:

— Есть дела, я пошел.

Личунь ухватила за его одежду:

— Бабушка просила, чтобы ты нашел время зайти к ней. Обязательно до двадцатого числа, это очень-очень важно, не забудь!

Гу Чанъань отозвался:

— Ага.

Личунь поняла, что он услышал:

— Я специально ради тебя приехала, даже воды не дашь попить?

Гу Чанъань искоса взглянул на нее:

— Ты же мимо проезжала, разве нет?

Личунь со всей силы наступила ему на ногу и, сердито фыркнув, уехала на своем маленьком мопее.

Гу Чанъань покачал головой. Сколько лет, а все как ребенок. Он поднял взгляд: вдалеке стаи диких гусей летели с юга на север, небо заволокло свинцовыми тучами.

Опять будет дождь.

Гу Чанъань вернулся к прерванной работе. В ходе проверки он выяснил, что куски тушеной свинины — это не свинина и не человечина, а крольчатина, причем с примесью крысиного яда.

От такой дозы человек не выжил бы, съев всего пару кусочков.

Хэ Цзянь был в большой беде.

Гу Чанъань присел в углу и погрузился в раздумья.

Почему именно крольчатина? Что за этим стоит?

Дзинь-дзинь-дзинь!

Гу Чанъань дернулся, схватил телефон и ответил.

Голос У Дабина на том конце прозвучал напряженно:

— Чанъань, есть новости.

Гу Чанъань тут же сорвался с места. Как только он вошел во двор, то услышал женские рыдания, перемежающиеся невнятной речью.

Звук доносился из комнаты Чжан Вэя.

Гу Чанъань вопросительно посмотрел на У Дабина, стоявшего под навесом.

Тот пояснил: пришла какая-то женщина, зашла в комнату и сразу начала плакать, очень сильно.

Гу Чанъань ждал продолжения, но У Дабин замолчал.

Раздался грохот: что-то тяжелое ударилось о стену, а затем прогремел яростный крик Чжан Вэя:

— Проваливай!

После этого слышались хриплые рыдания женщины:

— Чжан Вэй, не будь таким жестоким! Я сколько раз тебе говорила, я искренне к тебе отношусь! Ради тебя я даже от друзей отказалась, почти всех растеряла, я...

— Ты прекрасно знаешь, что натворила.

— Что я такого сделала?!

— Совсем страх потеряла? Ван Тинтин, самое большое сожаление в моей жизни — это то, что мы были вместе. Больше не хочу тебя видеть, будь добра, исчезни куда подальше.

Раздался сухой звук пощечины, а затем в комнате воцарилась мертвая тишина.

Гу Чанъань, лениво прикрыв глаза, словно засыпая, принялся щелкать фисташки.

По соседству скрипнула дверь: кто-то из жильцов, поняв, что скандал не такой интересный, как ожидалось, быстро захлопнул ее обратно.

Вскоре дверь комнаты Чжан Вэя отворилась, и вышла женщина по имени Ван Тинтин.

Овальное лицо, длинные волосы, миловидная внешность. На ней было белое платье, сверху накинут бледно-желтый кардиган, на ногах — ботильоны. Выглядела она свежо и чисто, словно сошла с рекламного плаката.

Гу Чанъань провел языком по зубам. Почувствовав на себе взгляд, он точно определил направление и посмотрел туда, одновременно приняв безобидный вид.

Их взгляды встретились. Ван Тинтин слегка смутилась, вытерла слезы, заправила прядь волос за ухо и, опустив голову, быстро ушла.

Глаза Гу Чанъаня внезапно расширились: на рюкзаке женщины был принт с головой кролика.

Кролик...

Он почесал подбородок. Просто совпадение?

Гу Чанъань заметил, что У Дабин все еще смотрит вслед женщине, не отрывая глаз. Он приподнял бровь:

— Нравится такая?

У Дабин пробормотал:

— Странно как-то, у нее на сумке...

Гу Чанъань переспросил:

— Что?

— Голова кролика выглядит чище, чем все остальное.

Гу Чанъань перестал щелкать фисташки. Это означало, что хозяйка сумки очень любит кроликов.

Ответ вертелся на языке, но тут же ускользнул.

В небе прогремел гром, собиралась буря.

Чжан Вэй вышел выбросить мусор. В пакете лежало несколько сломанных вешалок.

Хлынул проливной дождь. Он не побежал под навес, а так и остался стоять под ливнем, погруженный в свои мысли.

Мимо проходили две студентки, одна из них тихо пробормотала: Псих какой-то.

Чжан Вэй посмотрел на них, его лицо исказила гримаса ужаса.

Девушки перепугались и помчались прочь, шлепая по лужам.

Гу Чанъань немного понаблюдав за ним из окна, но веки начали слипаться.

Черт возьми, на прошлой неделе с таким трудом удалось подцепить крупную ложь, думал, пара дней — и все решится, можно будет отдохнуть. А тут такая морока, похоже, это надолго.

Пока не разберешься с большой ложью, приходится поддерживать существование мелкими, иначе предки из клана Гу точно придут к нему во сне устраивать семейный совет.

Как только дождь стих, Гу Чанъань взял корзину и пошел к реке ловить рыбу лжи.

На берегу никого.

Он закинул удочку в первом попавшемся месте, голова была тяжелой, хотелось спать.

Поплавок дернулся, Гу Чанъань подсек, и в воздухе забился сом-косатка.

— Сяо Чжи, мама уезжает очень далеко, ты слушайся папу, будь настоящим мужчиной.

Гу Чанъань снял рыбу с крючка и случайно укололся о шип у ее рта.

Выступила капля крови.

Он слизнул ее и холодно усмехнулся:

— Мелкая, жить надоело?

Сом, почувствовав угрозу, отчаянно забился на крючке. Если бы рыбы умели плакать, он был бы уже весь в слезах.

Гу Чанъань щелкнул рыбу по голове, и та затихла.

Он дернул за леску — сом качнулся:

— Скучная ложь, мне не нужна. Отпущу тебя.

Сказав это, он швырнул рыбу обратно в реку, и та мгновенно уплыла.

Гу Чанъань вдруг почувствовал, как его душа содрогнулась. Он обернулся, прищурившись за стеклами очков, и пытливо оглядел окрестности.

В этот городок что-то пришло. И это что-то было крупным.

После того как он ощутил ту мощную силу, сердце Гу Чанъаня забилось в неритмичном темпе, ударяясь о ребра, кровь в жилах забурлила от беспокойства.

Как только Гу Чанъань собрался на поиски по городу, сила исчезла и больше не появлялась.

Он передал У Дабину три мелкие лжи, объяснив, как их разоблачить, а сам продолжил следить за Чжан Вэем. Через несколько дней он снова увидел, как Ван Тинтин пришла на завод Фусинь к Чжан Вэю.

Как и в прошлый раз, у них вспыхнула жаркая ссора.

Рабочие, выходящие со смены, окружили их, не стесняясь в выражениях.

— Чжан Вэй в последнее время стал другим человеком. Мало того что стал щедрым, так еще и такую красотку бросил. Его что, сглазили?

— По-моему, это из-за того, что Хэ Цзянь уволился. Слишком сильно тоскует, вот рассудок и помутился.

— Да ладно? У них что, такие близкие отношения были?

— Если бы не близкие, стал бы Чжан Вэй расставаться с Ван Тинтин? Подумайте сами, Хэ Цзянь даже белее этой Тинтин, и задница у него что надо, может, у него и другие достоинства были.

— Может, это Чжан Вэй был в роли пассивного? Он вечно воротник застегивает до самого подбородка, кто знает, что там у него на шее прячется.

— Но Хэ Цзянь вроде по женщинам был? Все на заводе это знали.

— Надоело, решил попробовать с мужиком.

Громкий хохот долетел до ушей Гу Чанъаня. Он вычистил уши, собираясь уйти, но остановился, услышав продолжение:

— Слушайте, а с чего это Хэ Цзянь вдруг решил поссориться с начальником отдела Ван и уволиться?

— Кто ж знает, свихнулся, наверное. Начальник Ван вечно строит из себя босса, ну и что, потерпел бы немного.

— Откуда родом Хэ Цзянь?

— Из Синина.

— Может, дома что случилось, вот и уехал, не попрощавшись.

— Одно ясно, что бы ни случилось с Хэ Цзянем, Чжан Вэй точно...

— Точно! В тот вечер, перед тем как Хэ Цзянь ушел, я видел, как они с Чжан Вэем спорили в переулке. Не знаю, о чем, но Чжан Вэй толкнул его, выглядел очень свирепо.

— Странно. Ладно, те двое закончили ругаться. А у Ван Тинтин ноги длинные, белые...

Сальные взгляды устремились на Ван Тинтин.

Гу Чанъань не стал на это смотреть. Собрав информацию, он решил проследить за женщиной и дошел до бара.

Похоже, Ван Тинтин была здесь завсегдатаем. Она сняла кардиган, обнажив белые плечи, и затанцевала на танцполе — от ее прежней чистоты не осталось и следа.

Гу Чанъань сел у барной стойки и заказал выпивку.

Бармен уже в четвертый раз бросил на него взгляд. Гу Чанъань повернул голову и постучал пальцем по стойке:

— Я не по мужчинам.

Бармен кокетливо улыбнулся, но ответил прямо и откровенно:

— А жаль, ты выглядишь так, что хочется тебя заполучить.

Гу Чанъань хмыкнул:

— Вот как?

Бармен нагло спросил:

— Та девица — твоя цель?

Гу Чанъань не подтвердил, но и не опроверг.

Бармен перегнулся через стойку:

— Дай свой телефон, я запишу номер, а я подкину тебе кое-что...

Гу Чанъань встал, собираясь уйти.

Бармен окликнул его:

— Постой, посиди еще, мне просто приятно на тебя смотреть.

Боясь, что парень уйдет, он поспешно добавил:

— Эта девица не такая простая, как кажется. Аппетиты у нее ого-го.

Гу Чанъань сел обратно:

— Насколько большие?

Бармен двусмысленно улыбнулся:

— Очень большие.

Гу Чанъань прищурился, глядя, как Ван Тинтин танцует с мужчиной:

— Настолько большие? Приведи пример.

Бармен наклонился ближе:

— Она вечно подкатывает к иностранцам.

Гу Чанъань посмотрел: тот мужчина действительно был иностранцем и всю флиртовал с Ван Тинтин.

Бармен цокнул:

— Не хочу признавать, но у иностранцев и правда все внушительнее. Я слышал, они могут уморить женщину до смерти.

Гу Чанъань отпил вина:

— И это все?

— ...

Бармен, пытаясь угодить, выложил главный козырь:

— Она здесь известная личность, любит играть с огнем. Мои коллеги тоже знают ее. Два месяца назад она встречалась с одним парнем, смазливый таким, звали А Цзянь.

Гу Чанъань приподнял бровь: смазливый парень — это Хэ Цзянь. Похоже, он действительно увел девчонку у Чжан Вэя.

Судя по тому, что Гу Чанъань выведал у того мальчишки, Хэ Цзянь был любителем поскандалить: увел девушку коллеги, да еще и специально выставлял это напоказ.

Слишком легко нажать врагов.

Чжан Вэй узнал об этом, в гневе расправился с Хэ Цзянем, спрятал тело, а потом с его телефона отправил сообщение домой, якобы он уехал в Юньнань.

Потом Чжан Вэй позвонил домой Хэ Цзяню, тем самым подтвердив версию.

Это одна возможность.

Что касается другой...

Гу Чанъань снова посмотрел на Ван Тинтин на танцполе.

— То, что он смазливый, только внешность. На деле он был вспыльчивым, любил наркотики.

Бармен нес полную чушь, словно боясь, что парень не поймет его симпатии к своему полу:

— У тебя такая красивая шея.

Гу Чанъань поднял глаза — в них не было ни капли тепла.

Бармен нервно усмехнулся:

— Здесь часто бывают геи. Вот тот красавчик слева от тебя пялится на тебя с того момента, как ты вошел. Спорю, он уже представил десяток поз, в которых хотел бы с тобой переспать.

Гу Чанъань пропустил это мимо ушей:

— Когда в последний раз видели того смазливого парня?

— Дай подумать... — бармен задумался. — Месяц назад. Он был под кайфом, ушел и больше не появлялся.

Гу Чанъань погрузился в раздумья. По логике, Хэ Цзянь после увольнения был в подавленном состоянии, напился в баре, принял наркотики, а вернувшись домой, в невменяемом состоянии был убит.

Но как быть с крольчатинной, наспигованной крысиным ядом?

Бармен смешал коктейль для клиента и снова придвинулся к парню:

— Однажды я возвращался домой после смены и случайно увидел, как они ругаются возле бара. Кажется, эта девица кричала: почему кролик умер, это ты его убил? Она выглядела так страшно, будто была готова убить его, если он признается.

— А он отвечал, что просто бросил его, кто же знал, что кролик такой хрупкий, они сильно поссорились, а потом начали отвешивать друг другу пощечины...

Вторая версия Гу Чанъаня становилась все четче.

Ван Тинтин приняла звонок и ушла. Гу Чанъань вышел следом, напоследок предупредив

бармена, чтобы тот держал язык за зубами.

Бармен закивал, обеими руками заверяя в своей скрытности.

На рассвете Гу Чанъань переоделся в гадателя и занял место на дороге, по которой Ван Тинтин ходила на работу.

Около одиннадцати она вышла из магазина обуви, просматривая ленту в соцсетях, как вдруг ее окликнул старческий голос.

Это был седовласый старик, разложивший свой нехитрый скарб на земле.

Ван Тинтин прошла мимо.

Гадатель Гу Чанъань кашлянул:

— Девушка, у тебя лицо темнее тучи, скоро быть беде.

Ван Тинтин резко остановилась, повернулась и присела перед стариком.

— Дедушка, вы сказали, что меня ждет беда? Какая?

Гу Чанъань, следуя ритуалу, велел ей протянуть руку, внимательно осмотрел ее и произнес:

— У всего есть причина и следствие. Что посеешь вчера, то пожнешь завтра.

Ван Тинтин нахмурилась:

— Ничего не понимаю.

Гу Чанъань подумал: так и должно быть.

Он впился взглядом в глаза девушки, словно касаясь ее души и вытаскивая наружу всю грязь и тьму.

Взгляд Ван Тинтин забегал.

Гу Чанъань медленно произнес:

— Это был непреднамеренный поступок. Будда сказал, если искренне раскаешься, то...

Что «то»?

Черт, дальше придумать не мог.

Ван Тинтин была не в духе, в ее взгляде сквозила паника:

— Врете вы все.

Гу Чанъань кивнул про себя, а вслух сказал:

— Тайное всегда становится явным, а боги видят все.

Произнося последнюю фразу, он намеренно понизил голос для пущего эффекта.

Ван Тинтин вскочила:

— Какой ты гадалец? Шарлатан! Я подам на тебя в суд за клевету!

Гу Чанъань помахал рукой:

— Не спеши, девушка, не суетись. Присядь, позволь старику...

Не дослушав, она ушла, пнув по пути стаканчик с палочками для гадания.

Семена тревоги посеяны, прорастут ли они — зависит от ее психики.

Гу Чанъань собрался уходить, как вдруг слева раздался чарующий мужской голос:

— Я хочу погадать.

Он обернулся: перед ним стоял высокий мужчина в белой рубашке и черных брюках. Изящные черты лица, глубокий взгляд, зрачки чернее обычного.

В них не было ни звезд, ни океана — только водоворот.

Мужчина стоял, небрежно засунув руки в карманы, от него исходила незримая аура власти и врожденное благородство.

Гу Чанъань нахмурился.

Когда он появился? Он не заметил его приближения.

Может, та мощная сила связана с ним? Он попытался прощупать его, но безуспешно.

В глазах Гу Чанъаня мелькнул темный огонек, он выпрямился:

— Что хочешь узнать?

Мужчина элегантно присел перед ним:

— Все.

Когда дистанция сократилась, Гу Чанъань почувствовал исходящий от него тонкий аромат.

Не духи. Казалось, запах исходит от самого тела.

Легендарный природный аромат?

Гу Чанъань дернул щекой:

— Гадание по лицу — пятьдесят, по дате рождения — сто.

Мужчина без колебаний выложил сто пятьдесят.

Гу Чанъань спрятал купюры в карман:

— Протягивай руку.

<http://bllate.org/book/19143/1880125>